

Так Трамп же этого и хочет!

Четыре причины, почему импичмент против президента США полностью отвечает его интересам

Когда речь заходит о целесообразности импичмента для президента, конгрессмены-демократы берут в оборот 200 слов из американской конституции, три громких исторических прецедента, энтузиазм сторонников импичмента, тревожные настроения конгрессменов от «колеблющихся» штатов, а также результаты всевозможных опросов, какие только способна раздобыть современная политическая сила.

К сожалению, ничто из этого не подскажет им правильные шаги на тот случай, когда проблемный президент сам хочет, чтобы его политические оппоненты организовали ему импичмент.

Мысль о том, что Дональд Трамп сам хочет своего импичмента, некоторое время назад озвучил Бен Доменек, основатель журнала The Federalist. По его мнению, перспектива импичмента нисколько не пугает нынешнего американского президента: он сам решительно жаждет этой борьбы.

*Свое неприкрытое
злоупотребление
властью Трамп с
радостью
противопоставит
«мягкой коррупции»
оппонентов*

В своей рассылке по электронной почте Доменек привел в качестве доказательства агитационную суету вокруг Украины, развернувшуюся в последние несколько дней: он утверждает, что цирковая атмосфера на слушаниях в Конгрессе, сцены с Джо Байденом, где тот вместо здравоохранения и экономики говорит о коррупции, а также нерешительность демократов в Палате представителей, которых разъяренные коллеги и избиратели принудили к голосованию по импичменту, – это именно то, чего хочет Трамп.

Мне же кажется, что «хочет» является определенным

преувеличением, поскольку этот глагол предполагает наличие стратегической цели, нерушимого намерения и уравновешенного душевного состояния – ничего из этого не удастся обнаружить при анализе действий нынешнего президента США. Но давайте пока следовать канве Доменека: президент, который остался целым и невредимым после расследования по факту тайных договоренностей с иностранным правительством в рамках его избирательной кампании и который затем, *на следующий день после заявления Роберта Мюллера*, берет трубку и принуждает иностранное правительство оказать ему поддержку в будущей президентской гонке – разве такой президент кажется чрезвычайно озабоченным перспективой своего импичмента? Разве кто-то переживает по поводу едва не поданных исковых заявлений, рассмотрения дела в Сенате и всего такого прочего? Да я бы сказал, что нет.

И с чего бы это Трампу так уж сильно переживать? Возможно, как утверждают сторонники импичмента, он просто считает, что у демократов кишка тонка стать на защиту конституции, что у них не хватит сил для противодействия его правовому беспределу. Но нельзя исключать (и да, я сейчас, противореча самому себе, собираюсь сделать предположение о его рациональности – уж не обессудьте), что он видит четыре позитивные стороны у импичмента – четыре подарка для его президентского и, возможно, постпрезидентского периода, которые он может получить за счет процедуры импичмента и судебного разбирательства.

Во-первых, в случае его импичмента демократы увязнут в непопулярных вещах в ущерб популярным. Возможно, развитие украинской истории повлияет на результаты соцопросов, которые сегодня говорят о непопулярности импичмента. Возможно, открытое слушание дела ознаменуется серией ударов, которая убедит огромный антирамповский и антиимпичментовский электорат в желательности или необходимости его немедленного ухода из президентского кресла. Но текущий настрой общественного мнения является унылой и ключевой причиной того, что Трамп, как кажется, больше заинтересован в собственном импичменте, чем Нэнси Пелоси: политические приоритеты демократов пользуются большей популярностью, чем политические приоритеты республиканцев (какими бы они ни были), потенциальные кандидаты от демократов пользуются большей популярностью, чем Трамп – и, как следствие, все, что настраивает общественное мнение против демократов, видится в глазах Трампа лучшей альтернативой, чем нынешний статус-кво.

Во-вторых, свое неприкрытое злоупотребление властью Трамп с

радостью противопоставит «мягкой коррупции» оппонентов. Это одно из проявлений трампизма, которое особенно бесит критиков действующего президента – та манера, в которой он набрасывается на своих противников, выставляя их в образе коррумпированных болотных чудовищ, хотя его самого многократно уличали в гораздо более компрометирующих делах. Но о чем бы ни заходила речь – будь то лоббистская активность Фонда Клинтона или, как сейчас, схожая вариация с семьей Байдена на эту же тему – Трамп всегда умел преподнести себя в качестве кандидата из более благородной категории взяточничества, позиционируя свой неприкрытый цинизм как нечто более предпочтительное, чем тщательно законное использование власти в собственных интересах, изящно отмытое самообогащение, живое воплощение фразы «эй, для сына вице-президента совершенно нормально получать сотни тысяч долларов от украинцев или китайцев, если все официальные декларации в полном порядке, да и папа не посвящает его в эти сделки».

По правде говоря, нет ничего хорошего в такой отвратительной изнаночной стороне жизни элит, но и то, что предлагает Трамп, не является чем-то более предпочтительным: лучше лицемерие, чем порок в чистом виде; лучше «мягкая коррупция», чем ее более открытая разновидность. А то, что наш президент, как видится, все же осуществил при поддержке украинского правительства, – это намного хуже, чем любые зарубежные договоренности Хантера Байдена. Но не стоит удивляться тому, что в наш век недоверия, раздробленности и отчаяния часть избирателей отдает предпочтение благородному взяточничеству – одни являются сторонниками Трампа, другие же входят в ряды обособленной и обиженной середины, которая представляет собой своеобразный обамо-трамповский электорат.

История, разумеется, знает массу примеров политиков стиля «босс», которые безнаказанно занимались коррупцией благодаря тому, что общественность видела в них альтернативу для зазнавшейся и лицемерной элиты. Принципиальная политическая слабость Трампа заключается в том, что в отличие от боссов-предшественников он оказался гораздо менее щедрым в отношении многих своих избирателей. Но, быть может, это только распаляет в нем желание вернуться к политике сравнительной коррупции и тем самым вновь заподличить в свои руки аргумент по поводу того, с кого больше этический спрос – с него или с остального политического болота. Не факт, что это сравнение сложится в его пользу, но он во всяком случае занят исполнением хорошо знакомой роли.

В-третьих, баталии вокруг импичмента дают Трампу, вероятно, последний шанс закрепиться в сердцах своих потенциальных преемников из рядов Республиканской партии. Для понимания хода моих мыслей ознакомьтесь с пояснением Джонатана В. Ластва по поводу того, почему так мало выборных должностных лиц от Республиканской партии склонны дистанцироваться от Трампа – вне зависимости от того, в какой мере его проблемы приобретают никсоновский характер: «Одна из причин, почему республиканцы смогли вынудить Никсона уйти в отставку, сводилась к тому, что они были в курсе трепетного отношения Никсона к институту Республиканской партии.

Еще одна причина заключалась в том, что они были в курсе, что после завершения своей президентской каденции Никсон уйдет в добровольную ссылку и будет хранить молчание. Он не собирался растрачивать свои преклонные годы на твиттерные перепалки с (Чарльзом) Уиггинсом, Голдуотером и Фордом по пятнадцать раз в день.

Ни одно из этих допущений не срабатывает в случае с Трампом».

Цирк является частью политики, которая приносит ему удовольствие по своей сути

Это не просто объясняет, почему Трамп уверен в своей способности пережить баталии вокруг импичмента – это также объясняет, почему он может позволить себе получать удовольствие от происходящего. Он знает о своих вполне осязаемых перспективах потерпеть поражение на грядущих выборах, однако нет никаких оснований полагать, что само по себе поражение на всеобщих выборах заставит его выпустить из своих рук всю полноту власти в Республиканской партии (через «Твиттер» и прочие инструменты) на протяжении многих-многих лет. А разве есть у Трампа другой более действенный способ укрепить эту власть (или хотя бы отчетливое ощущение этой власти) в последний год своих полномочий, кроме как наблюдать за тем, как его потенциальные преемники, все те смысленные молодые ребята преимущественно из стен Сената, падают ниц перед ним и в последний раз целуют кольцо на его руке?

Смелее, смелее, Марко Рубио! Проходи, Бен Сасс, не стесняйся! Том Коттон, Джош Хоули, Тед Круз – все исторические книги замерли в ожидании: скажите нам еще раз, всего лишь раз, насколько крепко Дональд Трамп Великий держит в своих руках ваш голос, ваши принципы, вашу честь!

И это подводит нас к пониманию последней, четвертой причины того, почему Трамп в некотором смысле сам может желать своего импичмента: *потому что цирк является частью политики, которая приносит ему удовольствие по своей сути.* Весь период времени, пока длилось расследование Мюллера, новостная лента моего «Твиттера» буквально кипела от либеральных и антитрамповских фантазий по поводу того, как Трамп должен писаться по ночам и истекать потом от страха перед бескомпромиссным фэбээровцем и его расследованием. Возможно, временами так оно и было. Но я почти уверен в том, что когда он разорвался в «Твиттере» по поводу «Двенадцати злобных демократов», «ОХОТЫ НА ВЕДЬМ» и «НЕТ ТАЙНОМУ СГОВОРУ», он был сильнее включен в процесс, проявлял больше жизни и был собой в гораздо большей мере, чем в любой другой момент законодательных баталий по поводу налоговой реформы или отмены реформы здравоохранения Барака Обамы.

А расследование Роберта Мюллера было законным расследованием – с непреложным правом реально отправить за решетку людей из ближайшего окружения Трампа. Чисто политический процесс, наихудшим исходом которого будет новое политическое мученичество, которое Шон Хэннити непременно прославит в веках, предлагает Трампу, как создается впечатление, гораздо менее стрессовую вариацию такого жизненного опыта. Да ведь одни только ники кураторов импичмента станут главными блюдами на трамповском банкете – самым настоящим лакомством!

Ничто из этого – и я обязан это подчеркнуть – никоим образом не опровергает железобетонный аргумент, что демократам не стоит затевать импичмент. Девять месяцев назад я обосновал необходимость отказа от импичмента, и многие из аргументов, изложенных в той статье, могли бы сгодиться и для данного случая – в зависимости от прояснения ответа на вопрос, насколько далеко продвинулся Трамп в своем давлении на Украину. Но политика – это контактный вид спорта, целое поле для маневров и боевых действий, и один лишь факт, что кто-то рвется в бой, еще не означает, что нужно всячески уклоняться от принятия этого вызова. Афоризм про драку со свиньей (вы испачкаетесь, а, кроме того, свинья это понравится) не оправдывает себя, если свинья продолжает наносить

по вам удары; афоризм о том, что лучше победить Трампа на выборах, чем проиграть голосование в Сенате, имеет все шансы не оправдать себя, если вы доиграетесь до того, что будете из положения лежа смотреть в лицо очевидной коррупции.

Львиная доля эпохи Трампа ознаменовалась тем, что представители обеих политических партий ждали появления кого-то еще, кто нанесет по Трампу сокрушительный удар. Как следствие, у демократов есть определенная выгода нанести удар собственными силами – и даже не обязательно на уровне стратегии, а хотя бы на уровне внутреннего воодушевления.

Но мое финальное предположение сводится к тому, что ничто из вышеперечисленного не обладает той значимостью, на которую рассчитывают отдельные спорщики по теме импичмента.

Для эпохи Трампа характерно то, что *масштабные* события сворачиваются гораздо более стремительно, чем ожидалось. Этого нельзя исключать и в случае с импичментом: состоится голосование или нет, но к тому времени, когда американцы пойдут на избирательные участки, мы будем вести дискуссии на совершенно другие темы.

Перевод с английского Андрея Уманца

(c) New York Times



Росс Дузет
Вашингтон

Росс Дузет (Ross Douthat) – колумнист газеты The New York Times, освещает темы политики, религии, моральных ценностей и высшего образования.

